

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Когнитивно-дискурсивные основания языковой образности и перевод	5
1.1. Языковая образность как отражение универсального, идиоэтнического и индивидуального содержания	5
1.2. Концептуальная асимметрия в переводе	17
1.3. Обусловленность семантики образных средств различными типами дискурса	22
1.3.1. Публицистический дискурс	22
1.3.2. Художественный дискурс	36
1.3.3. Научно-технический дискурс	44
Глава 2. Когнитивная природа языковой образности как основание переводческих решений	47
2.1. Идиоэтническая, индивидуальная и универсальная специфика образного средства в переводе	47
Глава 3. Нормативный аспект передачи языковой образности при переводе	58
3.1. Комплексный переводческий анализ образной лексики ...	58
3.2. Проблема межъязыковой интерференции при переводе образной лексики	62
3.3. Грамматические проблемы перевода образной лексики ...	70
3.3.1. Замена словоформ	71
3.3.2. Роль уменьшительно-ласкательных суффиксов при передаче образных значений	72
3.3.3. Родовая идентификация	74
Заключение	76
Библиография	77
Список источников цитируемых примеров	82
Словари	84

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее учебное пособие посвящено рассмотрению проблем перевода лексических единиц, содержащих образный компонент значения (на материале англо-русских переводов), с позиций когнитивно-дискурсивного подхода.

Цель пособия — формирование базовых представлений о специфике перевода образной лексики.

Пособие состоит из трех глав. Первая глава посвящена описанию когнитивно-дискурсивных оснований языковой образности в переводе. В главе рассматриваются вопросы отражения универсальных, идиоэтнических и индивидуальных знаний в языковой образности; концептуальной асимметрии образных средств; дискурсивной обусловленности их семантики в публицистическом, художественном и научном текстах; переводческие решения, связанные с передачей языковой образности.

Во второй главе рассматриваются вопросы, связанные с влиянием идиоэтнических, индивидуальных и универсальных когнитивных оснований на переводческие решения.

Третья глава посвящена нормативному аспекту передачи языковой образности. В ней предлагается план комплексного переводческого анализа образной лексики, затрагивается проблема межъязыковой интерференции, рассматриваются грамматические проблемы перевода образных средств.

Глава 1. Когнитивно-дискурсивные основания языковой образности и перевод

1.1. Языковая образность как отражение универсального, этнокультурного и индивидуального содержания

По мысли Ю.Н. Караулова корни языковой образности лежат не в семантике, а в системе знаний [Караулов 1987: 176]. Ассоциативные связи, актуализируемые в образных значениях, носят не столько синтагматический (основанный на совместной встречаемости слов), сколько когнитивный характер.

Пользуясь терминологией М.В. Никитина, который выделяет жесткую и вероятностную импликации [Никитин 2001: 55], образную лексику можно также разделить на две группы:

1. Слова, реализующие жесткий (обязательный) импликационал.
2. Слова, реализующие вероятностный (свободный) импликационал.

Если жесткий импликационал содержит стандартные ассоциации, то вероятностный (или слабый) включает индивидуальные ассоциации, формирующие образное значение.

По мнению Д.Н. Шмелева, слово в речи «отягощено грузом как устойчиво закрепленных за ним, так и индивидуально возникающих в речи ассоциаций» [Шмелев 1973: 98].

Ю.Н. Караулов, противопоставляя стандартные семантические ассоциации образному значению, считает что ассоциации «стандартны, ординарны, общеприняты и общезначимы» в отличие от образа, который, возникая «на пересечении тезаурусных областей, индивидуален, не ординарен» [Караулов 1987: 78].

Поскольку ядро значения (интенционал), скорее, интернационально по своей сути [Силинский 1995: 26], то очевидно, что жесткий импликационал, пересекаясь с ядром значения, включает ассоциа-

ции универсального типа. Наличие универсальных ассоциаций в семантике слова подтверждается экспериментально [Клименко, Бутенко 1991].

Помимо универсальных в жесткий импликационал входят ассоциации, обусловленные стереотипами национального мировосприятия.

Что касается ассоциативных сем вероятностного импликационала, то они в отличие от мотивированных коллективным мировоззрением устойчивых ассоциаций обусловлены спецификой индивидуального мировосприятия.

Ассоциативные значения жесткого и высоковероятностного импликационалов отличаются не только по степени стандартизованности, но и по своим потенциальным характеристикам. Стандартные ассоциации имеют потенциал индуцирования в семантическом ядре слова оценочных значений. При этом универсальные ассоциативные семы способны индуцировать нейтральные оценочные значения. Это объясняется высокой степенью обобщения универсального ассоциирования, его отвлеченным и размытым характером.

Этнические же ассоциативные семы способны индуцировать отрицательные или положительные значения, так как отражают отношение определенного лингвокультурного социума к различным характеристикам предмета, знания о котором выступают основанием образного значения.

Нестандартные индивидуальные ассоциации, выражая личностные смыслы, способны индуцировать различные эмоциональные значения.

Формирование образных значений происходит при проецировании признаков предмета в семантику существительного. Ассоциативная связь между представлением о предмете и соотносимым с ним качестве, формируясь при проецировании в сознание признаков предмета [Комиссаров 1999: 54], закрепляется в импликационале имени существительного. Объективно-существенные, первичные признаки проецируются в интенционал существительного, тогда как остальные, вторичные признаки — в его импликационал [Силинский 1995: 27]. Некоторые объективно-существенные признаки, относящиеся к разряду ингерентных, также могут принимать участие в образовании импликационала. Однако чаще всего проецирование

вторичных признаков носит субъективный характер и неразрывно связано со специфичным преломлением их в мировоззрении носителя языка, в концептуальных картинах мира. Поскольку в языковой картине мира информация хранится в виде связанных между собой сведений об окружающем мире [Рахилина 2000: 10—11], то в импликационал проецируются признаки, уже включенные в многочисленные связи с разнообразными концептами. Эти потенциальные связи могут быть специфичными для каждой культуры и для каждой личности. При выявлении этих связей не следует забывать о том, что «между картиной мира как отражением, образом реального мира и языковой картой мира как фиксацией этого отражения существует сложная связь» [Заботкина 1989: 49], имеющая зачастую многоступенчатый характер.

Включенность в те или иные концептуальные связи predetermined, с одной стороны, отражением в сознании реальных связей признака, с другой — взаимодействием концепта признака с концептуальной системой (картиной мира), уже сложившейся в сознании носителя языка. Преломляясь в той или иной картине мира, признак обогащается различной добавочной информацией: приписанным ему оценочным значением, эмоциональной окраской или символическим обобщенным значением. Обогащение оценочным значением происходит в процессе преломления признака через этническую картину мира, эмоциональной окраской — через индивидуальную картину мира, символическим обобщенным значением — через универсальную картину мира.

Преломление некоторых признаков в картине мира осуществляется в форме связывания с предметом, выступающим, с точки зрения языкового коллектива, их нормативным носителем. Оценочное значение, закрепленное за такими признаками, имеет подчеркнуто нормативный характер. Нормативность оценки признаковых значений в подобных случаях обеспечивается фразеологическим составом языка и создаваемой на его основе развернутой системой метафорических переносов, закрепленной на уровне национального сознания носителей языка [Глазунова 2000*] и отражающей их общий опыт.

В каждом типе концептуальной картины мира (универсальном, этническом, индивидуальном) связывание признака с его нормативным

носителем имеет свою специфику и может осуществляться посредством одной из трех когнитивных операций: 1) генерализация признака; 2) приписывание оценочного значения; 3) конкретизация представления о пределе количества признака через соотнесение его с эмоционально-окрашенным представлением о предмете. Первая операция используется при формировании универсальных ассоциаций, вторая — этнических, третья — индивидуальных.

Рассмотрев общие особенности отражения когнитивных связей в импликационале образной лексики, перейдем к рассмотрению специфики преломления в них этнического, универсального и индивидуального опыта.

Известно, что ассоциативные объединения слов можно интерпретировать как продукты проявления культуры носителей языка [Залевская 1988: 34—35] и что импликационал значения несет в себе культурные ассоциации, связанные с денотатом в каждой конкретной национальной культуре [Заботкина 1991: 38]. Интересно, что даже совпадение ассоциативных реакций у носителей разных языков не всегда может свидетельствовать об общности семантической структуры слов-коррелятов. Реагируя сходными (коррелирующими) ассоциациями, носители разных языков вкладывают в них разное смысловое содержание, связывают их с разными представлениями [Дмитрюк 1985: 12; Фесенко 2001].

Это обусловлено, по-видимому, тем, что язык «отражает в своей семантике и называет те различия, которые оказываются коммуникативно релевантными для народа в силу тех или иных причин» [Стернин, Быкова 1998: 66]. В языковой системе отражается не весь мир в целом, а только лишь его составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее полно характеризующими мир [Почепцов 1990]. Поэтому распаковка (unpacking) идиоэтнического значения может пролить свет на традиционные ценности того или иного народа, стать ключом к пониманию сложившихся социальных отношений [Wierzbicka 2002: 1170—1171].

При актуализации у существительного жесткого импликационала, содержащего стандартные ассоциации, реализуется один из основополагающих принципов доступа к знанию — принцип «увязывания признака с его типичным носителем» [Залевская 1992: 102].

Выбор типичного носителя признака мотивируется при этом не столько общими мыслительными представлениями, сколько социо- и экстралингвистической обусловленностью [Тер-Минасова 1980: 143; Allan 2003*], этнической картиной мира.

Этническая картина мира — это система сильных стереотипов, принятых в определенном обществе. Она характеризуется коллективной историей построения и этническими ориентационными потребностями носителей языка [Павиленис 1983: 116]. Этническая картина мира — область готовых идеологических смыслов, занимающих определенный уровень в структуре языковой личности. Ю.Н. Караулов выделяет когнитивный уровень в структуре языковой личности — уровень знаний о мире носителя языка, уровень наивно-языковой картины мира, т.е. этнической картины мира, в его сознании и в его бессознательном, закрепленный в языковых структурах (идиомах, генерализованных высказываниях, пословицах, поговорках, крылатых словах, фреймах типовых национально-культурных ситуаций и т.п.), которые помимо языковой семантики несут какую-то более широкую информацию об устройстве мира [Караулов 1999: 154]. Это «относительно устойчивая во времени, т.е. инвариантная в масштабе... личности, часть в ее структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» [Караулов 1987: 39].

Вариативная часть этнической картины мира относится к временным изменчивым феноменам, которые характеризуются распространенностью в том или ином речевом коллективе, отношением к определенному этапу становления только данной языковой индивидуальности, включением в те или иные психологические, физиологические, социальные, латентные и явные роли, социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относится рассматриваемая личность и которая определяет идеологические отношения основных понятий в картине мира [Там же: 39—42].

Каждый этнос, представляя в сознании определенный фрагмент объективной действительности, «выбирает лишь некоторые объекты, которые являются для него ценностными и отражают своеобразие быта и менталитета» [Жаркынбекова 2003: 112]. Выбор существенного в качестве эталона в определенном лингвокультурном со-

циуме обусловлен различными когнитивными факторами, разным типом конвенциональных знаний [Дмитрюк 1985: 16—19; 1991].

Образование этнических ассоциаций обусловлено в основном знанием об объектах, входящих в первый круг предметно-практических связей жизнедеятельности носителей языка. На ранних стадиях становления языкового коллектива формирование ассоциативных соответствий проводилось по утилитарным характеристикам, доступным непосредственному восприятию носителей языка. Ассоциации, возникающие в процессе образного соотнесения признаков, не выходили за рамки бытовых ситуаций. Среди образов, традиционно ассоциирующихся с прилагательным *hard*, *diamond* (*hard as diamond*) по частотности употребления уступает всем остальным носителям: *hard as rock* (*flint*, *steel*), так как выходит за рамки общераспространенных предметов обихода.

В семантике образной лексики могут отражаться идиоэтнические знания быта, предметов, окружающих человека в повседневной жизни (*stone deaf*, *bolt upright*), профессиональной деятельности и традиционных занятий (*ramrod straight*, *trigger happy*, *gun grey*, *farm fresh*); знания национальной кухни (*oatmeal brown*, *wafer thin*), знания о животном мире (*cock sure*, *oyster white*); знания о растительном мире (*heather grey*, *daisy fresh*), возрастных характеристик человека (*baby soft*, *little-girl wide-eyed*), эстетических ценностях (*Minnesota nice*).

Нормативное проявление признака может быть обусловлено географическими условиями. В качестве нормативных рассматриваются среднестатистические проявления признаков, характерные для определенной местности, определенного времени года или определенных объектов: средний уровень выпадения осадков, средний показатель урожайности, средний рост и масса животного в определенный период его жизни, средняя интенсивность цвета и т.д. В связи с этим в семантике метафорических интенсификаторов могут отражаться идиоэтнические знания о различных природных явлениях (*fog-smoke white*, *fog gray*, *sea green*, *storm black*).

Соотношение между нормативным носителем и признаком может быть обусловлено знаниями национальных и культурных традиций. С точки зрения Г.Г. Почепцова, социокультурные стереотипы восприятия мира формируют языковую ментальность, кристаллизуют

ся в ней [Почепцов 1990: 112—114]. В семантике образной лексики могут отражаться идиозтнические знания социокультурного характера (*lord drunk*), знание традиционных образов (*ghost green*), фольклорных образов (*witch dark*), символики (*lily pure*), информация о межкультурных связях (*Toreador red*, *Burgundy red*, *Dresden blue*).

Этнические ассоциации могут быть обусловлены знаниями сугубо языкового характера, имеющими ярко выраженную национальную специфику. Язык является одним из факторов, формирующих культурную картину мира, языковая семантика является устойчивой структурой, определяющей мышление и поведение человека [Колшанский 1990; Сепир 1993; Ольшанский 1998: 31—33]. Устойчивость возникающих ассоциаций сохранялась благодаря повторяющемуся (традиционному) процессу отождествления предикативного признака и его образного носителя в сознании членов языкового коллектива. Этому способствовал тот факт, что принцип однозначности при декодировании мог быть сохранен при общепринятом сопоставлении в большей степени, чем при употреблении авторских переносов. При разнородном характере потенциальных образов — носителей определенного признака — всегда выбираются те, которые будут понятны не только говорящему, но и слушателю. Отсюда высокая частотность в речи образных сопоставлений, апеллирующих к традиционному сознанию адресатов речи. В связи с этим этнические ассоциации метафорических интенсификаторов могут быть обусловлены знаниями фразеологии (*cucumber cool*).

Этнические ассоциации могут быть обусловлены знаниями ономастики и топонимики (*Oxford blue*), особенностями словообразовательных свойств (*little-girl wide-eyed*, *little-boy sly*).

Понятийные представления, складывающиеся в разных языковых коллективах, не всегда соответствуют друг другу. Например, используемое в русском языке словосочетание «как слон в посудной лавке» при переводе на английский язык может трансформироваться в сочетание с другим образом-символом: (*be*) *like a bull in a china shop* (как бык в магазине фарфоровой посуды). Таким образом, концепты, выполняющие роль «сильных стереотипов» в английском языке, могут не совпадать с аналогичными им концептами, функционирующими в других языковых социумах. Кроме того, не каждый

признак, называемый прилагательным, может иметь в языковой картине мира соответствующий ему существительное-эталон. В таком случае можно говорить о лакуне эталонизации. Например, для английского выражения *brand new* в системе устойчивых сравнений русского языка соответствия нет. Наиболее близкое по значению — «новый как с иголки» — соотносится со значительно более узким кругом ситуаций, чем универсальное английское *brand new*, с помощью которого может быть охарактеризован любой объект — от деталей компьютера и предметов одежды до аэропорта и стадиона. Встречаются даже случаи, когда это сочетание используется для характеристики новорожденного: *brand new baby*.

Национальную специфику когнитивной структуры образной лексики и фразеологии позволяет выявить сопоставительный межъязыковой анализ. Например, русским эквивалентом для метафорического интенсификатора *cucumber* из синтагмы *the Allied Commander... remains cucumber cool* будут, по данным проведенного нами ассоциативного эксперимента, устойчивые сравнения «спокойный (невозмутимый), как танк», «спокойный, как удав», «спокойный, как слон».

Формальный аналог английского *cucumber* существительное *огурчик* (без уменьшительного суффикса в данной функции не употребляется) в русском языке служит, по данным «Словаря устойчивых сравнений русского языка», эталоном для качеств *свежий, свеженький, здоровый, ухоженный, бодрый, опрятный и трезвый* [Огольцев 2001: 424].

В результате сопоставительного анализа выявляется расхождение в эталонизации признака *спокойный (невозмутимый)* в английской и русской языковых картинах мира. Если в английском языковом сознании за основу берется внутренний (температурный) процесс, то русские эталоны *слон, удав* опираются на знание о внешнем проявлении спокойствия (малая подвижность). В эталоне *танк* проявляется значение «полной независимости от окружающей ситуации», лишь отчасти эквивалентной *cucumber*. Вместе с тем можно предположить, что они схожи по общему когнитивному основанию — знанию о труднопроницаемой оболочке этих предметов. Благодаря броне танк неуязвим и преодолевает на своем пути любые препятствия. Благодаря толстой оболочке *cucumber* способен во время жаркой

погоды сохранять внутри нормальную для его жизнедеятельности температуру.

В импликационал образных слов могут входить универсальные ассоциации, обусловленные универсальной картиной мира. Отражение в языковой семантике универсальной картины мира обусловлено важнейшей функцией естественного языка — выражением универсально-константных значений [Тарасова 1991: 295—296].

Универсальные значения обусловлены отражением в языке общей для всех людей реальной действительности [Никитин 1999: 8—9], общностью биологического происхождения, которое мотивирует сходные потребности и способности, общностью проживания на одной планете, контактами между народами [Шпеттер 1991: 334—335], общими принципами мышления, общепринятой соотнесенностью предмета и связанного с ним действия или признака и т.д. Общность стратегии ассоциирования при этом может определяться объективно существенными (типичными) и субъективно существенными (возможными) признаками предмета. Отметим, что объективно-существенный признак в отличие от субъективно-существенного будет входить в словарную дефиницию слова.

Когнитивной основой универсальных ассоциаций образной лексики является общность представлений об окружающем мире у носителей разных языков [Дмитрюк 1985: 10]. Общность представлений может быть обусловлена разными факторами: общностью традиционных образов (*lightning quick*), сходными потребностями в питании (*honey sweet*), общностью проживания на одной планете (*sky blue, star bright, night black*), общностью биологического происхождения (*blood red*), использованием одинаковых предметов (*razor sharp, knife sharp, needle thin*), контактами между народами в экономической сфере (*Omo white, Pepsi blue, Persil white*), общностью эстетических ценностей (*gold bright, agate black, sapphire blue, Baroque cold, statue still*), общностью географических условий существования (*snow white, grass green*), общностью животного мира (*raven black*) и др.

Известно, что в когнитивных структурах репрезентируется не только универсальные и конвенциональные знания, но и индивидуальный опыт говорящего, структурированный определенным обра-

зом [Clausner and Croft 1999: 24—25]. Это обусловлено тем, что у каждого человека есть свой индивидуальный когнитивный словарь, в котором отражается его нравственный, чувственный, эстетический и другой индивидуальный жизненный опыт.

«Личностная парадигма» может по мысли Ю.Н. Караулова, в частности, пролить свет на соотношение коллективного и индивидуального в языке, на то, каким образом язык может функционировать, оставаясь неизменным, и в то же время существовать, постоянно эволюционируя [Караулов 1999: 156].

Индивидуальные знания, отражающиеся в семантике образной лексики, являются фрагментом индивидуальной картины мира. Под индивидуальной картиной мира понимается индивидуальная концептуальная система, которая характеризуется индивидуальной историей построения (отражением индивидуального опыта) и индивидуальными ориентационными потребностями носителей языка [Павиленис 1983: 116]. Индивидуальная картина мира формируется на прагматическом уровне языковой личности и основана на личном опыте носителя языка и состоит из прагматических значений, прагмем. Прагмемы доступны непосредственному восприятию в виде эмоциональных характеристик речи. Их когнитивную структуру можно реконструировать путем анализа контекстуальной сочетаемости.

В индивидуальной картине мира представление о количественном пределе какого-либо качества основано на соотнесении признака с эмоционально окрашенным представлением о предмете, являющимся нормативным носителем этого признака. Например: *little-boy sly, rattle-snake brown*. Такое употребление слова основано на принципе «подсознательного учета... широкого круга признаков идентифицированного носителя первичного признака» [Залевская 1992: 102] и является разновидностью оригинальной метафоры. Такая метафора ориентирована прежде всего на эмоциональную сторону восприятия человеком действительности и содержит скрытые личностные смыслы.

Известно, что существенными свойствами метафоры могут выступать не только сходные черты, но и различия между денотатами, их семантическая удаленность [Масленникова 1999: 95]. Ориги-

нальная метафора предполагает отождествление неотожествимого, искусственную тавтологию, своего рода игру, «когда мы договариваемся, что признаки одного объекта будут отождествлены с признаками другого. Самым важным в этой игре становится не соответствие реальному положению дел, а совпадение или близость интерпретаций говорящего и адресата, т.е. задача создателя метафоры состоит в том, чтобы нетривиальный ход его мысли был понят и правильно интерпретирован, исходя из заданных условий» [Там же].

Оригинальное (оказиональное) метафорическое отождествление неотожествимого, или в иной терминологии перенесение концептуальной структуры из одной области в другую [Croft 1993: 336] является основой формирования образного значения, ведь образ возникает «на пересечении тезаурусных областей» [Караулов 1987: 78]. В силу вышесказанного образное значение (комплекс индивидуальных ассоциаций) с точки зрения когнитивного подхода можно интерпретировать как концептуальное единство пересекающихся тезаурусных областей.

Признаковая направленность существительных, используемых для отражения индивидуальных знаний в процессе метафоризации, характеризуется нестандартной категоризацией. Сема качества, перемещенная в ядро значения существительного, содержит признак, который по-особому категоризован, содержательно усложнен. В основе нестандартной категоризации признака лежит переживаемая говорящим эмоция, так как индивидуальное знание (в том числе и знание о признаках) является результатом индивидуальных психических процессов и неразрывно связано с переживанием, эмоцией [Залевская 1999: 17].

Нестандартно категоризованный признак может быть связан с самыми разными тезаурусными областями, и эти связи имеют расширяющийся характер. Подобные разноплановые связи обуславливают расположение признака и его носителя-предмета в индивидуальном лексиконе на пересечении тезаурусных областей. Состав и строение связей, а также набор пересекающихся тезаурусных областей задаются индивидуальной картиной мира.

Нестандартной категоризации может подвергаться признак, изначально обусловленный отражением этнических знаний. В таких

случаях действует механизм расширения стандартной связи, инициируемый эмоцией. Поясним вышесказанное на примере:

Pierce Brosnan may lack the cucumber cool and physically domineering presence of Sean Connery, but his take on Bond (a bit more human, but not so irreverent as Roger Moore eventually became and not nearly as broom-up-the-bum as Timothy Dalton was) is right on target (Mediascreen).

Метафорический интенсификатор *cucumber* усиливает признак «невозмутимый» (связанный с концептом «самообладание») и вычленяет тем самым нормативно-типичную характеристику английского национального характера, одним из носителей которого в современной английской культуре является киногерой Джеймс Бонд.

Такое употребление опирается на следующее знание, в норме связываемое с *cucumber*: *Calm and composed, self-possessed, as in Despite the mishap Margaret was cool as a cucumber. This idiom may be based on the fact that in hot weather the inside of cucumbers remains cooler than the air* [The American Heritage Dictionary of Idioms 1997: 1600]. При этом нормативное знание о способности *cucumber* быть прохладным во время зноя переосмысливается как «быть невозмутимым вопреки чему-то». Данное нормативное представление корректирует выбор лексического окружения. Для метафорического интенсификатора *cucumber* будет устойчивой сочетаемость с контекстуальными антонимами из тематических группы «зной», «кризис», «паника», «опасность».

The Allied Commander ignores the furious pleas and demands from Whitehall and remains cucumber cool in the current crisis (Charlestone Gazette).

На наш взгляд, метафорический интенсификатор *cucumber* по устойчивой ассоциативной связи включается в значимый для английской ментальности концепт «джентльмен».

В американской культуре устойчивая ассоциативная семантика метафорического интенсификатора *cucumber* переподчиняется другому концепту — «супермен (ковбой)». Это можно наблюдать в следующей характеристике актера, снимавшегося в вестерне «Wild Wild West»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru